

ЦЕНТР БЕЗОПАСНОСТИ ДЕНЬ

Продолжение. Начало — на стр. 1

КУДА НИ КИНЬ ВЗГЛЯД: государство, политика, гражданское общество — всё это уже почти *nature morte*, "мёртвая природа". В лучшем случае — нарисовано на холсте, чтобы фальшивый очаг представить настоящим, а самим холстом прикрыть потайную дверь в будущее, куда хозяева мировой игры большую часть человечества, включая прежде всего нас, русских, пускать не собираются. Потому что им дозрелы нужные ресурсы, наша территория, максимально очищенная от населения, потому что исторически мы доказали: русские — единственные в мире, кто может успешно сопротивляться Западу, бить его и создавать альтернативные формы европейской же (но не западной и не капиталистической) современной (Modern) цивилизации. Нашим реальным Модерном был системный антикапитализм, воплощенный в СССР. Именно по этим причинам вот уже четверть века рушатся у нас промышленность, наука, образование, здравоохранение — под сдержанно-оптимистические рапорты о неких достижениях. Это напоминает ситуацию из "Улитки на склоне" Стругацких: целые деревни проваливаются под землю, а СМИ дают это как очередное "свершение" и "одержание".

Ещё пример: глобализация нам представляют как якобы объективный процесс, которому якобы нет альтернативы, путая (отчасти сознательно, отчасти по тупости) глобализацию с интеграцией и интернационализацией. Точнее, альтернатива вроде как есть, но внутри самой глобализации — более медленная и равноправная, а творцами её, предполагается, станут страны БРИКС. И хотя торгов по поводу глобализации поубавилось, на её небезобидные "аватары" типа "устойчивого развития" до сих пор ловятся иные проstackи.

Кроме сознательных и "полусознательных" искажений реальности есть и такие, которые связаны с тем, что наше внимание чаще всего приковано к определённому пространству (в ущерб другим) и ограничено определённым временем — краткосрочным, сегодняшним днём. Это понятно и в ряде отношений естественно, однако последствия такой избирательности нередко бывают катастрофичными, особенно в средне- и долгосрочной перспективе. Я имею в виду следующее. Мы, не отрываясь, следим за тем, что происходит в мире, в большой политике, концентрируясь на Западе, прежде всего — на США: президентские выборы, что сказал Трамп, что мутит Хиллари и т.п. Разумеется, кризисы и войны: Сирия, Каталония, Венесуэла и многое другое. Однако при всей важности этих событий — это то, что на поверхности, краткосрочно-событийное. Есть менее заметные процессы, последствия которых разворачиваются долго, но, развернувшись, нередко создают такие ситуации, порождают такие кризисы, которые меняют, а то и просто ломают ход истории. Сегодня процессы эти разворачиваются на периферии Запада, ядра капиталистической, то есть "развитого мира", в мире трущоб, и замечают их, как правило, только тогда, когда они становятся в полный рост, стоят у порога в виде многомиллионной армии варваров. И когда настёт день Д и час Ч, когда звонят Колокола Истории, выясняется: то, чем люди жили и интересовались, то, что казалось им Большой Политикой, за чем следили как за главным, за судьбоносным — не более чем мелкое шоу Большой Игры, главный приз которой разыгрывается где-то далеко, мелкое — на фоне тектонических сдвигов, которыми в "жизни мышцей геотетне" (А.С. Пушкин) мало интересовались. Ну, конечно, интереснее — с кем спит Мадонна, какво реальное состояние Уоррена Баффета и влияли ли русские хакеры на американские выборы. Это кажется настоящим-будущим. Нет. Будущее — это албанцы в Риме, арабы в Париже и мексиканцы в Лос-Анджелесе. Будущее — это "мюнхенский сунтанат", "марсельский вилайетет". Будущее — это "мечеть Парижской богоматери". Уточню: возможное будущее — если в Европе не произойдёт, как сказал бы М.О. Меншиков, "какой-нибудь смены энергий".

Чем-то вроде репетиции или, точнее, воспоминанием о будущем был миграционный кризис в Европе, но он прошёл и его не то что забыли — постарались выбросить из головы. Однако проблема нигде не делась, демографический котёл за пределами расово и демографически ветшающего западного мира бурлит. Когда он закипит и крышку сорвёт, то мало не покажется: взрыв котла внесёт решающий вклад в наступление нового Темнового и обусловит многие черты нового посткастрофического (для многих — постапокалиптического) мира. Ну, а пока все эти дела на мировом Юге воспринимаются как неблизкий умеренно-тревожный фон европейского (североевропейского) бытия — как варварский мир (Pax Barbaricum) во времена поздней Римской республики и Римской империи. Но ведь надо помнить, чем всё закончилось в случае с Римом.

С конца II в. н.э. варвары были постоянным внешним фоном, а затем фактором жизни Римской империи. В 113–101 гг. до н.э. Республика вела войны с кимврами и тевтонами. В 102 и 101 гг. Гай Марий нанёс противнику поражения в битвах при Аквах

Секстиевых и Верцелле, на чём война и закончилась. На тот момент численное соотношение Рима и варваров, римского войска и варваров было примерно одинаковым. За несколько столетий, пока Рим жил своей жизнью, переходил от кризисов к стабилизациям и от стабилизаций к очередным кризисам, численность варваров, селившихся по периметру римских границ, существенно выросла, военная угроза с их стороны помножилась на их демографический потенциал. К тому же и Рим с III в. слабел, переставая быть Римом, внутренне разлагаясь, утрачивая свои ценности и варваризируясь — мода на восточные культы, варварскую одежду, стремление элиты к гедонизму, разложение низов и т.п.

Иными словами, в течение нескольких столетий рядом с Империей нарастал демографический вал, который, как только она ослабла, обрушился на неё и сокрушил. И хотя финал сокрушения растянулся почти на сотню лет, факт остаётся фактом: варвары, инфильтрировавшиеся в империю

часть их вовсе не собирается интегрироваться в умиравшую постападную систему, а стремится прогнать её под себя, либо паразитируя на ней, либо превращая в объект криминальных действий.

Уже 6–8% чужого населения, причём молодого, бедного, агрессивного, уверенного в ценности своей религии, а следовательно, в своей культурно-исторической правоте, которому "противостоят" пожилые, сытые, утратившие веру, толерантные (повторю: лишённые воли к самостоянию и сопротивлению чужому и чуждому) европейцы — это серьёзная проблема, меняющая ткань, внутренность европейского социума. По-видимому, достаточно 15–20%, чтобы баланс изменился кардинально и безвозвратно. А этот процент — можно не сомневаться — будет достигнут. Как заявил один палестинский деятель, у арабов есть оружие покруче атомной бомбы — matka арабской женщины.

Демографический котёл Юга разгорается стремительно: это в древние времена окolorим-

воспринимать всё это как избыточный алармизм, отвечу: лучше пять минут поволноваться, чем всю жизнь быть покойником, изгнанником или рабом у чужих.

В самом начале V в. н.э. знатный римлянин Сидоний Аполлинарий писал своему другу о том, как хорошо и покойно сидеть ему на своей вилле у бассейна, наблюдая, как замерла над водой стрекоза. "Мы живём в прекрасное время", — заключил он. Через несколько лет (в 410 г.) Аларих разграбил Рим, а ворота ему открыли "внутренние пролетарии". Лучшее средство против "синдрома Сидония Аполлинария" — принцип "кто предупреждён, тот вооружён", а лучшее средство быть предупреждённым — информация, превращённая в знание и понимание. В связи с этим имеет смысл пристальнее взглянуть на ту зону, откуда может прийти беда, и узнать, что за грозы собираются за Чёрными Горами, что за дым поднимаются из-за синей реки, чтобы не говорить потом: "Пришла беда, откуда не ждали".

Именно поэтому так важен разговор о реальной картине современного мира, особенно о его теневой стороне, потому что тень перестала знать своё место. Ещё немного — и впроу будет цитировать Толкина: "Завеса Мрака встаёт над миром". Теневая сторона современного мира — это умирающий, а потому всё более криминализирующийся "капитализм-финансализм"; это закрытые структуры — от верхних (клубы, ложи, комиссии, спецслужбы) до нижних (мафия, каморра, ндрангета, триады, якудза и т.д.); структуры эти на самом деле весьма похожи, говорил же Трисмегист: то, что сверху, то и внизу. И связи между ними весьма и

НА РУИНАХ ПРИВЫЧНОГО МИРА

Очерки по истории современности

и осевшие в ней, поддержали внешний натиск, и вышло по Тойнби: комбинационный удар внутреннего и внешнего пролетариата — и финал. Но этот удар демографически вызревал и готовился в течение трёх столетий, будучи внешней канвой борьбы римской элиты за власть и собственность. А рядом тикала бомба замедленного действия, на которую и на долгосрочные последствия тиканья которой обращали мало должного внимания: варвары — это где-то там, за лимесом.

Сегодня мировая ситуация отчасти напоминает времена поздней Римской империи. При всей поверхностности исторических аналогий, при том, что современный мир неизмеримо сложнее мира популярности-четелней давности, ныне мы тоже имеем империю (Постапада), тоже перзрелую и не только постепенно утрачивающую гегемонию, но и погружающуюся в упадок: экономический кризис, размывание среднего слоя, интеллектуально-волевая деградация элиты и населения в целом, кризис семьи и утрата традиционных ценностей, дехристианизация, возведение половых извращений и бездетности в норму, фактический отказ от трудовой этики в пользу гедонизма, потребления и многое другое, благодаря чему произошло становление Запада как такового, как цивилизации. Социокультурный и волевой иммунитет Запада стремительно подрывается, что и было продемонстрировано, например, в ряде стран Европы во время миграционного кризиса. Тогда мужчины-европейцы оказались неспособны защитить своих женщин и детей — condition sine qua поп нормального существования популяции — от чужаков-мигрантов, при том что последние пока составляют меньшинство. А ведь защита самцами самок и детёнышей — основа существования/выживания популяции. Я уже не говорю о случае, когда за изнасилование пони в зоопарке в Германии сирийским мигрантом насильнику грозит срок намного больший, чем если бы он изнасиловал женщину или ребёнка.

Нынешнее противостояние в Европе белых европейцев и чужих носит принципиально иной характер, чем противостояние римлян и варваров и отягощено рядом обстоятельств, совокупность которых, по сути, почти не оставляет белым европейцам никаких шансов: в известном смысле о них можно сказать то же, что Цицерон сказал об убий- том Катилине и его сподвижниках: vixerunt ("прожили", "отжили"). Образно по этому поводу выразился С. Хелемендик: "Наши упитанные европейские братья... уже закончили своё существование в истории, их уже нет. Пока они сидят в своих банках и считают хрустящие бумажки, их улицами овладе- ли заторможенные от многовекового пещерного инцеста албанцы... Наши упитанные европейские друзья... не понимают пока, что случилось. И уж совсем не понимают, что никаких демократических или хотя бы мирных решений случившееся не имеет... Вот и всё, вот и обещанный закат Европы!". В Лунку Истории, добавлю я.

Одно из главных нынешних обстоятельств заключается в том, что хотя римляне и варвары были представителями различных этносов, но и те, и другие относились к одной и той же расе, а в религиозном плане были язычниками: даже в IV–V вв. христианизация Рима была далеко не полной. Нынешние европейцы отличаются от мигрантов, уже превратившихся во "внутренний пролетариат" (причём не в капиталистическом, а в римском смысле термина: те, что нередко вообще не работают, а паразитируют на государстве, требуя хлеба и зрелищ, и при этом активны/плодотворны), не только этнически, но также расово, классово и социокультурно (религиозно). Иными словами, относительно благоустроенному толерантному (то есть лишённому воли к сопротивлению) белому европейцу, нередко среднего или пожилого возраста, противостоят молодые агрессивные арабы и африканцы, подавляющее число которых составляют мусульмане. Большая

Вступление Алариха в Рим (фрагмент). Художник Вильгельм фон ЛИНДЕНШМИТ Младший

ские варвары раскачивались четыре с лишним столетия, нынешним хватит меньше сотни, а скорее всего — нескольких десятилетий. Мы, повторю, наблюдаем за кипящей пеной котла, но решающую роль сыграет то, что скрывается под ней. Кто не слеп, тот видит: к середине XXI в. больше половины мирового населения (если верны эти оценки, то 4,5 млрд из 8) будет жить в Китае, Индии и Африке. Не только прокормить, но экологически сдержат такую массу эти регионы не смогут, и людская лавина устремится туда, где чисто и светло и где живут мужчины, неспособные защитить даже самих себя, не говоря уже о слабых мира сего. Добро пожаловать в новую эпоху переселения народов! Ещё чуть-чуть, и ситуацию в Европе можно будет описывать строками Блока:

...свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

Тех самых упитанных европейских братьев, о которых писал С. Хелемендик. Тем, кто склонен

весьма тесные, объединяющие их в Теневом Мире, охватывающий всё большую часть планеты. Глобальная экономика — криминальная экономика; в условиях нехватки ликвидности чуть ли не половина мировых банков существует, кредитует наркотрафик. Наконец, есть огромный мир слаборазвитых стран — мир социального ада, горя, смерти, социального пекла (в прямом и переносном смысле — пекельный мир), мир глобальных трущоб, из которого по ряду причин удалось вырваться некоторым регионам нескольких стран, прежде всего Китая и Индии. Впрочем, чем больше их экономические достижения, тем острее социальные проблемы, которые скорее всего невозможно будет решить не только экономически, но, пожалуй, даже социально-терапевтически — только хирургически. С этого мира на обочине пикника развитых стран, которые инерционно, хотя и всё меньше наслаждаются жизнью (как тут не вспомнить суру Корана: "теперь пусть наслаждаются, потом они узнают"), мы и начнём разговор — с Африки, Индии и Китая. Точнее: с Китая, Индии и Африки.

Продолжение следует

НАШЕ ОБЩЕСТВО нездорово — достаточно посмотреть на заголовки прессы, где люди друг друга режут, едят и сходят с ума. История в духе нападения на Фельнгензур — это сфера ментальных отклонений: один человек с расстроенным сознанием напал на другого человека с расстроенным сознанием, работающего в издании, которое тоже делает слушателей больных.

Анализируя некоторые формы психического заболевания, Юнг говорит о таком понятии, как *abaissement du niveau mental* — "понижение ментального уровня". По Юнгу, это одна из причин психического расстройства.

Чтобы человек оставался человеком, его сознание должно постоянно предпринимать усилия. Человек организует хаос переживаний, мыслей, вторжения бессознательного, волевых импульсов и собирает их в некие структуры порядка. 99% работы сознания состоит в том, чтобы выделить важное и отбросить то, что не имеет значения, построить ментальную иерархию.

Культура, образование, анализ, мышление, чтение, наличие осмысленных диалогов, посещение мероприятий — всё это помогает отбросить иррелевантное, смирить разрозненные хаотические желания. Иными словами, держать человеческое сознание в форме. Хорошо, если получается развиваться, но даже просто поддерживать упорядоченную рациональную модель поведения — уже большое дело.

Но в нашем обществе механизмы, направленные на поддержание ментального уровня, сбивы. Они расстроены. Одни говорят одно, другие — другое, и концы с концами не сходятся. Причём не только в СМИ, но и в образовательных программах. Отсутствует эпистема, когнитивная парадигма. Фрагментарные знания, доступ к которым облегчён, а понимание которых усложнено, только размывают и добавляют хаоса в сознание современного человека.

Постепенно происходит отказ строить внутренний порядок, а затем падение ментального уровня. Импульсы, которые культурное сознание обычно блокирует, могут проявиться в полной мере. Происходит это незаметно: сначала кажется, что высокое уравнивается с низким, обязательное с необязательным, необходимый уровень культуры делается опциональным. Когда высокая культура — "Волшебная флейта", поэзия Серебряного века — уравнивается с культурой хамства, нарушается культурная иерархия. Мы получаем хаотическую ризоматическую модель вместо упорядоченной вертикали.

Это не может не привести к подъёму шизофрении в обществе. Понижение ментального уровня наблюдается, в первую очередь, у правителей. Как живёт верх, так живёт и низ: элита проецирует уровень своего хаоса на общество и даёт зелёный свет вторжениям снизу. Такое страшное и печальное: речь идёт об антинародной культуре. Это не возвращение к архаическим слоям общества, а, напротив, восприятие чуждой нам модели идеологии. Наше общество движется в сторону ризоматического состояния, потеря сложности и иерархичности, сопряжённой с бытием в культуре. Бытие переходит из сферы культуры в сферу посткультуры.

Снижение ментального уровня высвобождает страшные зоны нашего бессознательного, которые бесцензурно проецируются на поверхность. И есть люди, которые на этом наживаются и этому способствуют.

Это ненормально. Дело не в том, что у нас "очень жестокий режим" — ничего подобного. Мы пробираем дно в том, что утрачиваем культуру смысла. Мы настолько упростили отношения в нашем обществе и понизили планку интеллектуального уровня, что это крайне опасная вещь. Юнг говорил, что когда сознание понижается на критическую величину, все монстры и чудовища, которые рождает спящий разум, выходят на поверхность.

Уже из подпола слышится их стук, они постепенно выползают и расправляют перепончатые крылья на наших экранах. Если так пойдёт и дальше — нам предстоит тяжёлые времена, и некому нас будет лечить.

Александр ДУГИН

Руководитель проектов "День ТВ" и "Завтра.ру" Андрей ФЕФЕЛОВ беседует с историком Александром ПЫЖИКОВЫМ об истоках и предопределённости русской социалистической революции.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Александр Владимирович, в 1917 году произошла череда потрясающих, судьбоносных для целого мира событий... Что это было?

Александр ПЫЖИКОВ. Революция — эпохальная точка нашей истории, куда всё пришло, и откуда потом был дан абсолютно новый старт. Чтобы понять "что это было?" — нужно выделить два уровня проблемы — это жизнь правящей прослойки и народа того времени.

Начнем с правящей прослойки, поскольку ее участие было главным в 1917 году, ведь Февраль родился из того плана великих реформ, которые царская администрация создала в начале XX века.

Первая Мировая война была форс-мажором, который немного изменил ситуацию, но, в принципе, если бы война закончилась, был бы дан мощный старт. И причина февраля 1917 года заключается в этом предполагаемом экономическом росте. Кто будет бенефициаром этого роста? — в этом вопросе лежат истоки того, что произошло в феврале-марте 1917-го года.

От намечавшейся модернизации выиграла бы лишь одна группа — это группа петербургских банков, аффилированных с Правительством. Все, что входило в орбиту этой немногочисленной группы стали бы операторами данного предполагаемого экономического роста. Все остальные, кто не являлся бенефициаром этого рывка, были в клане недовольных.

Во-первых, это дворянство, особенно те силы, которые ориентировались на сельхоз-модель, не нуждающуюся в индустриализации. Во-вторых, это московская купеческая элита. В этой предстоящей модернизации ей была отписана лишь вспомогательная роль, так как в бюрократической царской среде её никто не воспринимал носителем прогресса.

Так, мало-помалу между этими группами и бенефициариями экономической модернизации начало искривляться.

Андрей ФЕФЕЛОВ. В этой истории про московское купечество, которое совершило Февральскую революцию в сотрудничестве с частью генералитета, достаточно велика и роль иностранных держав?

НЕИЗБЕЖНЫЙ ОКТЯБРЬ

Беседуют Андрей ФЕФЕЛОВ и Александр ПЫЖИКОВ

Александр ПЫЖИКОВ. Да, здесь интересы с Западом сошлись. Но, если возвращаться к внутренним причинам, то они заключаются в экономическом росте и расколе элиты.

Петербургские банки, которые были основными модераторами этого роста, не занимались политикой и, как потом оказалось — из-за этого и проиграла. Их, как настоящих технократов, не интересовало партийное правительство и партийное строительство, им это было просто не нужно. А московское купечество, которое отеснили от всех управленческих рычагов, ударило в партийное строительство. Они начали общаться с оппозиционной публикой — не только с либерально-профессорской, но и с разного рода революционными элементами. Причем, разницы большой они не делали — большевики, меньшевики, эсеры — всё сгодится, главное, есть цель.

И московская купеческая группа, и их политические союзники, которые находились в Думе и в партиях, смогли полностью выиграть информационную войну, которую сами же и инициировали. Им нужно было сломать модель относительных бенефициаров этого роста и занять главенствующее место. Позже к экономическому фактору добавился политический, пропагандистский расклад, породивший партийно-политический проект, которому ни Правительство, ни петербургские банки уже не смогли противостоять.

Началась экономический рост и целые группы оказались бы на обочине. Здесь, собственно, и кроются истинные причины февраля 1917-го года. Все вытекающие последствия — пропагандистская кампания, предательство генералов — берут начало отсюда.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Интересно, ведь этот разговор где-то зрел, он требовал физического пространства. Все эти люди должны были где-то собираться. Где это происходило?

Александр ПЫЖИКОВ. Это были общественные организации в Москве — Земский городской союз и военно-промышленные комитеты. Это

были большие организации, где работали сотни тысяч человек. И все радикально настроенные кадры были сконцентрированы там. Эти общественные организации, по замыслу, должны были изобразить голос народа. По схеме — в Думе раздаются требования политического характера, а за стенами Таврического дворца звучит голос народа, который поддерживает эти требования. Вот это и есть территория заговора.

Генералы ориентировались на общественные организации, а общественные организации вдохновлялись московским купечеством. Все три общественные организации были созданы в Москве и возглавлялись московскими людьми. Эти организации подняли пропагандистскую кампанию вместе с Думой, образовали не только организационную территорию заговора, но и пропагандистскую ауру вокруг этого. И активным подспорьем этой территории заговора стали Английское и Французское посольства.

Андрей ФЕФЕЛОВ. То есть, условно говоря, прессе платили не американские банкиры и масоны, а московское купечество?

Александр ПЫЖИКОВ. Да, верно. Кроме этого был еще один денежный источник — Государственная казна. Все эти общественные организации существовали за счет бюджетных поступлений, которые по сумме были сопоставимы с самой большой морской инвестиционной программой, которая реализовывалась в начале XX века. Им было выделено до полумиллиарда рублей.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Получается, что Правительство Российской империи финансировало своих могильщиков.

Александр ПЫЖИКОВ. И начало этому финансированию положил самый влиятельный член Правительства — Кривошин Александр Васильевич — почтенный министр и любитель царской чести.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Потрясающе! Но как элита, совершив акцию по свержению Царя, установив республику, тут же утратила власть, не смогла её удержать?!

Александр ПЫЖИКОВ. Февраль закончился триумфом. Весь март эйфория не покидала победителей. Первые проблески тревожного осознания появились только в мае: стали вдруг замечать, что народ вовсе не празднует, внутри масс слышно какое-то нарастающее бурление. Решили успокоить — дополнили состав Временного правительства представителями социатрий. Не помогло. В июне случился июньский кризис, а в начале июля — провал наступления. Это уже была государственная катастрофа.

Правящая прослойка из-за своих же интриг начала стремительно распадаться, породив полный распад государственности. Перед Россией вставала новая реальность, которую раньше никто не замечал. Эта реальность была настолько колоссальна и чужда, что повергла в шок всех думающих людей.

Впервые царская Россия столкнулась с этой грозной реальностью в рамках обсуждения тех мер, которые получили название "стопылинская реформа". До этого долго и очень внимательно присматривались — кого же мы собираемся реформировать? Что это за "невиданная" основная часть населения — "крестьянство"?! Что оно из себя представляет, чем оно живет? Этот вопрос был поставлен в недрах царской бюрократии, которая после кропотливого и весьма высокоинтеллектуального изучения этого великого русского сословия выдала главный посыл — стопылинскую реформу в крестьянской среде проводить нельзя. Выяснили, что крестьяне представляют жизнь совершенно иначе, их понятие о жизни полностью противоречит имперскому гражданскому законодательству, которое было основано на римском праве, где частная собственность была корнем всего.

Как считал русский крестьянин, собственность (актив, который приносит прибыль) — не может быть приобретена за деньги. Собственность мо-

жет быть приобретена, если в неё вложен труд. Например, если старший сын не участвовал и не вкладывал труд в участок земли, не способствовал приращению продукта, то он не имеет права его наследовать. По мнению русского крестьянина невозможно купить что-то за деньги, стать хозяином за богатство. Именно поэтому всех собственников заводов и фабрик крестьяне считали не собственниками, а дармоедами. Если ты купил актив за деньги, то ты становишься хозяином по имперскому гражданскому уложению, но в глазах народа ты не хозяин, а тот, кого и прибить — не грех, потому что ты поступаешь не по-божески.

Стопылин стремился ввести понятие частной собственности. Ему говорили — если мы резко внедрим частную собственность в народ, это затронет 1/10 часть населения, остальных мы только озлобим. Целые тома законодательства, основанные на кодификации обычаев русского крестьянства, учили, что в качестве переходного этапа нужна семейно-трудовая собственность. Если пойти по пути резкого внедрения частника — это закончится плохо. Все знали — волостной низовой суд работал с точки зрения того, что собственность создается трудом, а не покупкой. Это пытались сохранить царские бюрократы, которых Стопылин не слушал.

К лету 1917 года государственные власти были полностью деморализованы, и народ поступил так, как считал нужным — все достижения десятилетней стопылинской реформы за 3 месяца были сметены, и общество вернулось к своему состоянию до 1905 года. К этому никто не был готов — ни царское Правительство, ни общественники-либералы в лице кадетов, ни даже верхушка социалистических партий. Готовы были большевики, гениальный Ленин этот исход предсказывал.

Теперь, отвечая на ваш первый вопрос "что это было?", могу сказать: революция была проявлением магистрального менталитета нашего народа, отражая его представление о справедливости устройства жизни. Ни пропаганда, ни Запад никогда не могли бы сформировать в русском обществе того, что было обозначено вековыми устоями русского народа, его несущим архетипом.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Получается, что Россия не могла проскочить эту станцию под названием "Октябрь 17-го года"?

Александр ПЫЖИКОВ. Это историческая развязка, которая завязалась во второй половине XVII века. Это то событие, которое должно было произойти. И оно произошло.